

Галлямова Л. И., Платонова Н. М.

L. I. Gallyamova, N. M. Platonova

СУЧАНСКИЙ КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РУДНИК В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР: ОТ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ К ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ

SUCHANSKY STONE-COAL MINE IN THE CONDITIONS OF CHANGING THE DEVELOPMENT MODEL OF THE FAR EAST OF THE USSR: FROM NEW ECONOMIC POLICY TO A CENTRALIZED ECONOMY

Галлямова Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток); тел. 8(902)555-23-31. E-mail: ludgal@mail.ru.

Ludmila I. Gallyamova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok); tel. 8(902)555-23-31. E-mail: ludagal@mail.ru.

Платонова Нонна Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. 8(924)302-85-03. E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Nonna M. Platonova – PhD in History, Assistant Professor, Professor, Theory and History of State and Law Department, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. 8(924)302-85-03. E-mail: nonnaplaton@mail.ru.

Аннотация. Характеризуя особенности восстановления и развития экономики Дальневосточного региона после Гражданской войны, подчёркивая уникальность исторической ситуации, связанной со сменой модели хозяйственного развития в 1920-е годы, авторы рассматривают эти проблемы на примере крупнейшего предприятия – Сучанского каменноугольного рудника. Благодаря такому ракурсу не только подчёркивается важность и значимость Сучана для народного хозяйства Дальнего Востока, но и раскрывается типичность и сложность происходивших здесь перемен. Особый научный интерес представляет подробный авторский анализ производственных условий и социально-бытовой стороны жизни горнорабочих и шахтёров, влияния социально-экономических преобразований на их политические настроения.

Summary. The originality of the published article lies in the fact that, characterizing the features of the restoration and development of the economy of the Far Eastern region after the Civil War, emphasizing the uniqueness of the historical situation associated with the change in the model of economic development in the 1920s, the authors consider these problems using the example of the largest enterprises – Suchanskiy coal mine. Thanks to this perspective, not only the importance and significance of Suchan for the national economy of the Far East is emphasized, but also the typicality and complexity of the changes that have taken place here is revealed. Of particular scientific interest is the author's detailed analysis of the working conditions and the social and everyday aspects of the life of miners and miners, the impact of socio-economic transformations on their political moods.

Ключевые слова: Сучанский каменноугольный рудник, Дальний Восток СССР, хозяйственное развитие, условия труда, заработная плата, коллективный договор, политические настроения рабочих.

Key words: the Suchansky coal mine, the Far East of the USSR, an economic development, working conditions, a wage, a collective agreement, workers' political sentiments.

УДК 94(571.6)

Трансформация социально-экономической системы РСФСР/СССР 1920 – 1930-х гг. способствовала глубоким изменениям народного хозяйства советского Дальнего Востока. Во многом эти процессы нашли отражение в научных трудах тех лет. Внимание исследователей было сосредоточено на развитии добывающих отраслей промышленности, динамике товарооборота: экономиче-

ские очерки, обзоры и справочные издания раскрывали масштабы природных богатств Дальнего Востока, определяли возможности и перспективы разработки минерально-сырьевой базы дальневосточной территории, особо выделяя Сучанское месторождение каменного угля в Приморье [1, 3, 7, 9, 14, 27, 31]. В послевоенный период (1950-е – 1990-е гг.) изучение истории региональной угольной промышленности, развивавшейся наиболее интенсивно на позднесоветском этапе, продолжалось, углублялись и детализировались научные представления о направлениях и темпах угледобычи, влиянии отрасли на дальневосточный социум [18, 28]. Новейший период (1991 – 2000-е гг.), связанный со сменой методологических ориентиров, изменением парадигмы изучения истории советского общества, не ослабил научно-исследовательского интереса к проблеме. История Сучанских государственных копей, старейшего угледобывающего предприятия Дальнего Востока, по-прежнему сохраняет свою актуальность, привлекая внимание исследователей [4, 8, 11, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 25, 30]. Тем не менее, несмотря на значительные достижения, в современной региональной историографии отсутствуют труды, детально раскрывающие особенности развития не только производственной деятельности рудника, но и его социальной сферы в переходный период от новой экономической политики к плановой централизованной экономике; в связи с этим задача настоящей публикации – восполнить этот пробел.

Восстановительный период. С начала XX в. Сучанское месторождение каменного угля по протяжённости и запасам занимало одну из ведущих позиций (после Верхнесуйфунского) в угольной промышленности юга российского Дальнего Востока. Изначально производственная деятельность Сучанского рудника была направлена на реализацию военно-стратегических задач по обеспечению топливом Тихоокеанского флота, активно развившегося железнодорожного транспорта, удовлетворения растущего спроса на энергетические ресурсы торгово-промышленного и социального секторов экономики дальневосточной окраины Российской империи. Отсутствие стабильности, последовательной государственной политики, частая смена властей, ориентированных на различные политические силы, в условиях Гражданской войны и интервенции (1918 – 1922 гг.) привели хозяйство рудника к полному экономическому упадку. Процесс восстановления Советской власти в регионе, начавшийся с воссоединения Дальневосточной Республики с РСФСР в качестве Дальневосточной области (15 ноября 1922 г.), детерминировал социально-экономические перемены на Сучане [4, 57; 8, 53-78; 21, 198-200].

Советский период хозяйственного строительства на Дальнем Востоке начался в условиях почти полного отсутствия финансово-технической помощи со стороны центра, чему способствовала крайняя удалённость региона и значительно разрушенные пути сообщения. Кроме того, в целях восстановления дальневосточной экономики в первой половине 1920-х гг. и её включения в советскую экономическую систему необходимо было полностью преобразовать всю структуру управления хозяйственной жизнью на востоке страны, сохранявшей ещё черты товарного производства. Естественно, что промышленная реконструкция в восточных районах изначально должна была проходить на базе природных ресурсов и существовавших предприятий, а также на основе их размещения. Особенность развития таких отраслей народного хозяйства, как угольная, лесная, рыбная, состояла в том, что они являлись экспортными отраслями. Выход на международные рынки стимулировал восстановление и развитие этих отраслей и давал крайне необходимую советскому государству иностранную валюту. Несмотря на небольшие масштабы развития экономики на Дальнем Востоке в восстановительный период были подготовлены условия для последующего хозяйственного подъёма [5, 134-150].

С переходом на новую экономическую политику в стране трансформировалась система управления промышленностью. Процесс концентрации основных промышленных фондов в руках Советского государства начался с Декрета СНК № 559 от 28 июня 1918 г. «О национализации крупнейших предприятий», который упразднял частный контроль и передавал их в ведение ВСНХ. Дальревком, руководствуясь этим законодательным актом, 27 ноября 1922 г. принял решение о национализации местной промышленности. В разделе о горнодобыче особое место отводилось каменноугольным копям Приморской губернии, на территории которой к 1922 г. в эксплуатации находилось 32 предприятия. На 1 октября 1923 г. в результате кризиса сбыта угля их оста-

лось лишь 8, на 1 октября 1924 г. – 11, из которых 9 были частными, 2 – государственными. В 1923 г. на долю государственных рудников приходилось 57 % от всего добытого угля в Приморье, с октября 1923 по октябрь 1924 г. – 67 %, на частные – 33 %. Техничко-экономическое состояние, финансово-хозяйственные и производственные показатели Сучанского рудника, освобождённого от белогвардейских войск и японских интервентов силами партизан (26 августа 1922 г.), были далеки от прежних. Тем не менее, учитывая важность и значимость предприятия для народного хозяйства Дальнего Востока, он был первым в Приморье национализирован и стал самостоятельным «в производстве своих операций», получив статус каменноугольного государственного предприятия «Сучанские копи». Управляющим предприятия был назначен горный инженер Ф. Л. Трухин, с января 1924 г. эту должность занимал А. Е. Бочкарёв. Следующим перешёл в собственность государства в мае 1923 г. Зыбунный рудник, ранее принадлежавший частному предпринимателю Л. Ш. Скидельскому, в статусе «Артёмовские государственные каменноугольные копи» [6, 58; 7, 109; 24, 632-636] (см. прим. 1).

Институциональной поддержкой казённых индустриальных объектов стал Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчёта (трестах)». Одновременно в производственный процесс вводились элементы планирования, контроля и учёта. Приморский Губернский военревком передал Сучанский рудник Дальпромбюро ВСНХ, которое управляло народным хозяйством Дальнего Востока. Добывающую промышленность и частный сектор он держал под особым контролем. Согласно Уставу, утверждённому Дальревкомом 11 апреля 1924 г., Сучанский рудник должен был осуществлять производственную деятельность на принципах хозяйственного расчёта. Одновременно был запущен процесс глубокой технико-экономической модернизации шахт, узкоколейной рудничной железной дороги, началось государственное финансирование. Изменились и условия труда. Так, по решению Сучанского рудкома профсоюза был введён 8-часовой рабочий день, для шахт устанавливался трёхсменный режим работы. Производственная деятельность по добыче каменного угля первой и второй смен происходила в дневное время, а третья, или ночная, осуществляла ремонтные работы [29, 78] (см. прим. 2). На этом этапе главным результатом технической модернизации производства и улучшения организации труда стал рост угледобычи. Если в 1923 – 1924 гг. в эксплуатации находились 7 шахт, которые добыли более 12 млн пудов угля, то в 1924 – 1925 гг. – 15,3 млн пудов. В ходе дальнейшей структурной реорганизации угледобывающей промышленности 1 октября 1925 г. был создан трест «Примуголь», в состав которого вошли Сучанские, Артёмовские, Тавричанские и Липовецкие копи [12, 60] (см. прим. 3).

Организация производства, использование оборудования и рабочей силы на Сучане находились также под контролем Далькрайкома ВКП(б), в отчётном докладе которого отмечалось снижение производительности труда на шахтах в 1923 – 1925 гг. (см. табл. 1). Из-за отсутствия на капитальных шахтах оборудования искусственной вентиляции потери рабочего времени постоянно увеличивались. Вместо нормированных 15 мин., установленных для проветривания, они доходили до 1,5 – 2 ч. за смену. Эти непроизводительные потери времени приводили к значительным убыткам, которые ежегодно достигали 36,6 тыс. рабочих дней или 74 тыс. р. Общая стоимость вентиляционного оборудования составляла 6 тыс. р., но дефицит финансов не позволял в короткие сроки реализовать монтаж важного компонента работы шахт, обеспечивавшего безопасные условия труда. Нередко имели место уравнильность при распределении заработной платы, высокой оставалась текучесть кадров (только за 8 месяцев 1926 г. рабочий состав сменился на 90 %). Основные причины такого положения заключались в недостаточности материально-технического обеспечения и отражались на показателях работы горняков (см. прим. 4).

Восстановление народнохозяйственного комплекса советского Дальнего Востока в основном завершилось в 1926 г., частная угольная промышленность была ликвидирована. Утверждение государственного управления и контроля над промышленным производством и ресурсами было ориентировано на формирование мощного военно-индустриального форпоста на востоке страны, поэтому усиливалось внимание советского руководства к добывающему сектору экономики дальневосточной территории. Плановая экономика выдвигала новые установки для развития угольной

отрасли, и 1 октября 1927 г. «Примуголь» был переименован в государственный каменноугольный трест «Дальуголь» (в разные годы председателями правления были Алейников, Муштаков, Буханцев), который объединил всю угольную промышленность советского Дальнего Востока, получив статус предприятия союзного значения [6, 76] (см. прим. 5). Большинство проблем социального характера во многом оставались нерешёнными, усиливая недовольство рабочих шахт.

Таблица 1

Показатели производительности труда на Сучанских коях (в пудах) (см. прим. 4)

Год	Средняя норма добычи угля на одного	
	рабочего	забойщика
1913	58	414 / 322
1923	48	326
1924	54,4	312
1925	57,3	279

С 1926 г. новая экономическая политика прекратила своё существование и край включился в экономические, политические и социальные процессы в СССР, получая от центра финансирование, работая на советскую экономику. В конце 1920-х гг. был взят курс на форсированную индустриализацию, Дальний Восток СССР получил стимул для более динамичного развития, которое опиралось на сильное государственное воздействие и финансовую поддержку, что можно рассматривать как положительный момент, поскольку обеспечивались более высокие темпы модернизации, не было особого риска вступать в противоречие со старыми, отжившими элементами общественной системы. В то же время проявлялось огромное влияние централизованного управления и чиновничье-бюрократических структур, игнорировавших местные особенности, условия и интересы [5, 134-150].

Практика коллективного договора и профсоюз. Новая экономическая политика, способствовавшая расширению возможностей работника при переходе или переводе с одного предприятия на другое, также содействовала изменению условий, оплаты и охраны труда. В связи с этим важным направлением социально-экономической политики советского государства в первой половине 1920-х гг. являлось возобновление коллективно-договорного регулирования трудовых отношений. Вся коллективно-договорная практика находилась под контролем Наркомтруда, который на основании декрета СНК РСФСР от 23 августа 1922 г. определял коллективный договор как «добровольное соглашение профессиональных союзов с работодателями» и устанавливал порядок его заключения (см. прим. 6, 7).

С 15 ноября 1922 г. на всей территории Российской Федерации вступал в действие Кодекс законов о труде (КЗоТ), тем самым открывался новый этап в регулировании коллективно-договорных отношений. КЗоТ закреплял нормативно-правовой характер коллективного договора, рассматривая его в качестве «соглашения, заключаемого профессиональным союзом, как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем – с другой, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств или группы таковых и определяет содержание будущих личных (трудовых) договоров найма». Социальные партнёры, не имевшие членства в профсоюзе, обязаны были соблюдать условия договора. В регулировании трудовых отношений профсоюз выступал в качестве главной стороны коллективного договорного процесса (другим являлась администрация государственного предприятия, владелец частного предприятия и др.), также, согласно ст. 20 КЗоТ, союз не нес имущественной ответственности по колдоговорам, и по его требованию (ст. 49) договор мог быть расторгнут [10, 56; 26, 13-14], (см. прим. 8).

Относительно профсоюза следует отметить, что в 1920-е гг. эта массовая общественная организация рабочих, служащих была неотъемлемой частью политической системы советского общества и выполняла функции рабочего контроля на производстве. В условиях хозяйственного

расчёта не всегда удавалось избежать конфликтных ситуаций, возникавших между рабочими и администрацией, поэтому главным методом работы союза с директорским корпусом являлось убеждение и защита экономических интересов трудящихся. Центральным руководящим органом профессионального движения являлся ВЦСПС. С изменением политического курса и переходом на плановую систему хозяйства началось активное вмешательство государства в область социально-трудовых отношений. Со второй половины 1920-х гг. был запущен процесс огосударствления профсоюзов, которые постепенно включались в систему государственного и административно-хозяйственного управления, а уже в начале 1930-х гг. после присоединения структур Наркомтруда к ВЦСПС он фактически стал министерством, то есть государственным органом, получив функции надзора в социально-трудовой сфере [13, 95; 23, 38].

Вследствие таких перемен в рамках советского законодательства о труде рудком профсоюз горняков ежегодно заключал трудовой договор с управлением Сучанских копей сроком на 1 год (ст. 34 а). За исключением администрации, процесс сопровождался обязательной выдачей рабочим и служащим предприятия расчётных книжек (ст. 29). В договоре определялись размеры заработной платы для отдельных профессий, видов работ и должностей; тарифные сетка и ставки; порядок исчисления и оплаты сдельных работ, брака, простоя; регулировался порядок проведения с согласия профсоюза сверхурочных работ; конкретные размеры заработной платы; правила по охране труда и др.

На протяжении рассматриваемого периода вопрос о производительности труда и размерах заработной платы являлся одним из ключевых. При начислении заработной платы использовалась тарифная система, которая мотивировала работника на повышение квалификации и рост профессионализма, но в то же время работник оценивал условия труда и размеры оплаты, соответственно, у него появлялась возможность выбора места работы. Поэтому предприятие с помощью различных доплат или льгот, которые не всегда носили постоянный, долговременный характер, пыталось устранять недостатки в организации труда и сохранять рабочий контингент шахт. Так, в мае 1923 г. управление Сучанских копей ввело премиальную систему за работу сверх установленной нормы, что стимулировало экономический интерес горняков и способствовало повышению показателей производительности, однако в дальнейшем практика премирования была свёрнута.

В 1925 – 1926 гг. по предприятиям треста «Примуголь» установление рационального баланса между оплатой труда и уровнем квалификации работника было достаточно затруднено. Заработная плата по коллективному договору устанавливалась весьма низкая, тарифная сетка вводилась с соотношением 1:5. Ставка по 1-му разряду составляла всего 15 р. и выплачивалась несвоевременно. Это неоднозначно отражалось на показателях производительности труда, общей динамике работы предприятия, настроениях рабочих и шахтёров. В качестве посредника профсоюз горняков неоднократно апеллировал к хозяйственным руководителям треста с вопросом о необходимости повышения заработной платы, особенно на Сучанском руднике. Дело в том, что при определении размеров оплаты труда не учитывался важный фактор, определявший дальнейшую технологию угледобычи, оказывавший влияние на учёт и калькулирование, а именно изменения свойств горной породы одного и того же пласта [1, 60-62]. Длительное отсутствие гибкой системы расценок за добычу ценного топлива весной 1926 г. спровоцировало конфликт между администрацией и забойщиками сучанских шахт № 2 и 10. В течение двух месяцев правление треста «Примуголь» не желало считаться с обоснованным мнением профсоюза о необходимости на 10 % повысить расценки угледобычи, затягивая решение вопроса и мотивируя это тем, что низкая заработная плата забойщиков обусловлена недостаточной производительностью труда. Пытаясь избежать забастовки и потому не привлекая профсоюз, управляющий трестом А. Е. Бочкарёв встретился с забойщиками. Администрации удалось достичь договорённости с шахтёрами, но стоимость угледобычи пришлось повысить на 15 % вместо 10 %, как требовал профсоюз. В результате настойчивых действий профсоюза 1 марта 1926 г. при заключении нового колдоговора ставка 1-го разряда была повышена до 16 р. с применением тарифной сетки с соотношением 1:8, но одновременно это повлекло за собой рост цены на уголь. Дальпромбюро, контролировавшее ценообразование ресурсным сектором экономики, определило новые тарифы: на май 1926 г. стоимость 1 т

угля устанавливалась в размере 8 р. 59 коп.; на сентябрь 1926 г. – 9 р. 18 коп., т. е. выше сметной стоимости на 2 р. 12 коп. Переплата треста по колдоговору за год составляла 218 р. Сучано-Рудничный райком ВКП(б) дал жёсткую оценку: «Тактика руководства треста дискредитировала профсоюз в глазах рабочей массы» (см. прим. 9), – тем самым давая понять хозяйственным руководителям, что в подобных ситуациях неслаженность действий и тем более игнорирование участия профсоюза влекли за собой не только денежные убытки, но и наносили ущерб его авторитету.

С целью стабилизации экономического положения Крайсовнархоз, хозяйственные и профсоюзные руководители на совместном заседании 16 апреля 1926 г. наметили и провели мероприятия по общему оздоровлению ситуации на предприятиях треста «Примуголь». И в итоге производительность труда забойщика Сучана в 1926 – 1927 г. увеличилась по сравнению с 1925 – 1926 г. на 30,3 %, рабочего – на 10 %, заработная плата – на 30 и 10,1 % соответственно. Руководство пришло к выводу, что, «принимая довоенный уровень за 175 – заработная плата за 1-е полугодие 1926 – 1927 г. выражается в 85 % к довоенному, а учитывая расходы предприятия на культурные нужды, мыло, спецодежду и прочее, чего раньше предприятие не делало, заработная плата выразится в 90 – 92 % от 1913 г. при производительности труда в 89,7 % к 1913 г. (см. табл. 2). В целом соотношение производительности труда и заработной платы в 1926 – 1927 г. на Сучане по сравнению с 1913 г. было признано нормальным» (см. прим. 9, 10, 11).

Таблица 2

Показатели производительности труда и заработной платы на Сучанских коях (см. прим. 11)

Период	Производительность, т	Проценты	Зарботная плата, р.	Проценты
1913 г.	6,8	100	2,87	100
1922–1923 г.	4,5	66,1	2,68	93,4
1923–1924 г.	5,0	73,5	2,64	92,0
1924–1925 г.	4,4	65,7	2,46	85,7
1925–1926 г.	4,68	69,0	2,82	98,3
Первое полугодие 1926 г.	6,10	89,7	3,68	128,2
Апрель – август 1927 г.	5,24	77,0	3,56	124,0

Распространённой формой организации труда на шахтах как среди русских, так и среди китайских рабочих были артельно-подрядческие и артельно-коллективные бригады численностью от 15 до 60 чел. Для денежных взносов практиковалась так называемая «артельная кружка», которая формировалась за счёт заработной платы каждого члена бригады. В дальнейшем общая сумма делилась поровну между артельщиками. Практика уравнительности материально не мотивировала и не стимулировала горняков к необходимости повышать производительность труда и заработную плату. Подрядчик, или старшинка, брал обязательства перед управлением Сучанских копей на поставку китайской рабочей силы, вёл финансовые расчёты с администрацией и рабочими, которых он снабжал одеждой, питанием. До поступления на работу он нередко кредитовал китайских рабочих небольшими денежными суммами. За свою «помощь» старшинка удерживал десять и даже более процентов от заработной платы, поэтому китайские рабочие не имели расчётных книжек и находились в экономической зависимости от подрядчика. Борьба против подрядчества началась в июне 1926 г. К началу 1927 г. на шахтах Сучана оно было ликвидировано, «артельные кружки» упразднены, каждый рабочий стал иметь расчётную книжку и лично получать заработную плату. Юридически оформленные бригады заключали с управлением Сучанских копей типовой договор, который регистрировала Инспекция труда. В отличие от артельно-подрядческой формы организации труда перевод на индивидуальную работу повышал финансовую заинтересованность забойщиков. С китайскими рабочими дело обстояло сложнее, поскольку в условиях дефицита местного бюджета осуществить комплекс материально-финансовых мер (организация питания, снабжение

продуктами, одеждой и т.д.) и тем самым вывести их из экономической зависимости от подрядчика было крайне сложно (см. прим. 11).

Политические настроения рабочих. Анализируя производственно-финансовую деятельность треста «Примуголь» партийные органы власти не упускали из-под контроля политические настроения рабочих, которые формировались под влиянием таких факторов, как заработная плата, расценки, нормы выработки, размер оплаты коммунальных услуг, бытовое обеспечение и др. Особую актуальность они представляли для Сучано-Рудничного райкома ВКП(б), т. к. в годы Гражданской войны большая часть рабочих и шахтёров находились в партизанских отрядах и имели «до некоторой степени анархический уклон». Между ними нередкими были «разговоры об эксплуатации со стороны государства», частные интересы преобладали над общественными, а личная заинтересованность – над коллективной. Подобные тенденции отмечались среди не только беспартийных, но и членов ВКП(б), ВЛКСМ, в руководстве профсоюза горняков (см. прим. 11).

Социальная нестабильность на Сучанских коях поддерживалась неудовлетворённостью рабочих условиями коллективного договора в части своевременной выплаты заработной платы, дефицита прозодежды или спецодежды (см. рис. 1 и 2), горного оборудования, специального мыла, которые выдавались за счёт предприятия. С позиции шахтёров, Рудоуправление, требовавшее от них выполнения производственных показателей, в полной мере не обеспечивало безопасность работы, сохранность здоровья и жизни. Слабым оставался надзор за техникой безопасности, медленно решалась проблема нехватки жилого фонда. Частыми были несчастные случаи на производстве (см. табл. 3), но нередко рабочие приходили на шахту в нетрезвом виде, что приводило к травмам, физическим увечьям и даже гибели.

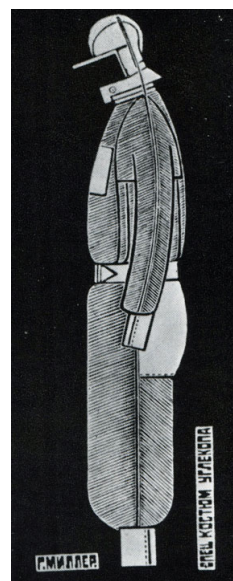
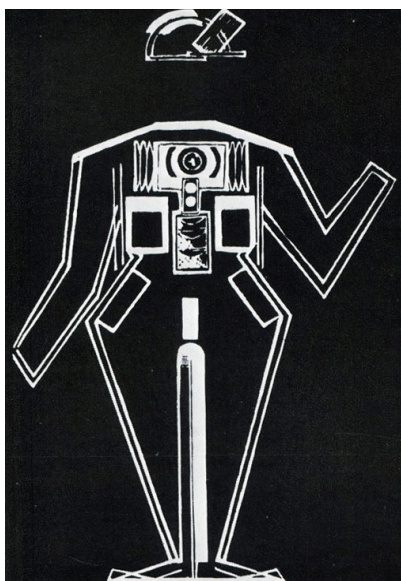

Рис. 1. Г. Клуцис. Проект прозодежды. 1922

Рис. 2. Г. Миллер. Проект костюма углекопа. 1924

Таблица 3

Несчастные случаи на 1000 пудов выработанного угля (см. прим. 11)

Период	Количество несчастных случаев, %
1925 – 1926 г., всего	3,40
Апрель 1926 г.	3,84
Октябрь 1926 г.	1,86
Ноябрь 1926 г.	3,82
Декабрь 1926 г.	3,20
Январь 1927 г.	5,20

Руководствуясь директивами Далькрайкома и Окружкома ВКП(б), Рудоуправление Сучана приступило к реализации мер по улучшению охраны труда и техники безопасности, особенно акцентируя внимание на восстановление вентиляционного оборудования. В результате с 1924 по март 1927 г. на эти цели было потрачено 26 тыс. 152 р. Свыше 3 тыс. р. было израсходовано на упорядочение спуска и подъёма рабочих из шахт, соблюдение газового режима и снабжение шахт рудничными лампами. В наземных помещениях удалось установить электрические вентиляторы и бронированный кабель на сумму 9 тыс. р., организовать пожарные команды, пополнить противопожарный инвентарь и создать склады противопожарных материалов стоимостью до 2 тыс. р. (см. прим. 11, 12).

Развернулось жилищное строительство. Так, в 1925 – 1926 г. за счёт собственных средств Рудоуправлением было построено 16 домов общей площадью 2088 м²; жилищной кооперацией – соответственно 10 домов и 882 м², индивидуально рабочими – 47 домов и 1688 м². Однако это не снимало остроту вопроса. По данным Наркомтруда, дефицит жилой площади в Сучане составлял 36 %. На 1 октября 1926 г. в распоряжении Рудоуправления находилось 34,750 м² жилого фонда, но большая его часть оставалась крайне изношенной и обветшавшей. Разнилась и ежемесячная стоимость жилья. Например, если комната от Рудоуправления стоила 2 – 2,5 р., то аналогичная комната в доме жилкооператива – 6 р. Вероятно, это было связано с тем, что эксплуатационные расходы в ветхом жилом фонде были незначительными, в то время как в новых домах плату приходилось повышать (см. прим. 13).

Характерной чертой рабочего социума Сучана являлась его тесная связь с деревней. До 60 % горняков были выходцами из близлежащих деревень. Поддерживая близкие отношения с родственниками, они вели своё подсобное хозяйство: около 85 % рабочих имели огороды, сады, пасеки, 879 коров, 1700 свиней, 490 коз, собственные дома (по данным Городского совета за 1927 г.). Неотъемлемой частью быта рабочих являлось празднование церковных православных дат с употреблением алкогольных напитков. Например, на Рождество (15 декабря 1926 г. – 15 января 1927 г.) на спиртное было потрачено 14 700 р., на Пасху (апрель 1927 г.) – 11 105 р., всего с 15 декабря 1926 г. по 1 августа 1927 г. – 76 тыс. р., что составляло 7-8 % от заработной платы. Складывался социальный образ сучанских рабочих, которые, за исключением старых кадровых шахтёров и железнодорожников, в основном представляли прослойку между рабочим классом и мелкими собственниками. Именно эта неустойчивость становилась у рабочих и шахтёров источником недостаточного интереса к производству, росту недовольства, негативной реакции на малейшие ошибки партийной организации рудника (см. прим. 14).

Вывод. Главной целью нового этапа экономического строительства на Дальнем Востоке являлось восстановление промышленного сектора народнохозяйственного комплекса с опорой на ресурсодобывающие отрасли. Одним из ярких индикаторов сложных политических и социально-экономических преобразований, происходивших на Дальнем Востоке в 1920-е годы, был Сучанский каменноугольный рудник. В условиях новой экономической политики и социалистической индустриализации помимо центральных и местных органов власти особое место отводилось деятельности профсоюзной организации горняков, принимавшей активное участие в регулировании коллективно-договорных отношений и разрешении спорных трудовых конфликтов. Избегая возможности забастовок шахтёров, учитывая интересы сторон, постоянный приток и даже избыток крестьянского населения и одновременно убыль квалифицированных рабочих в центральные районы страны, текучесть кадров, низкую квалификацию, политическую и бытовую отсталость, профсоюз на повестку дня выносил проблемы социального характера, решать которые к концу 1920-х гг. становилось всё сложнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анерт, Э. Э. Богатство недр Дальнего Востока / Э. Э. Анерт. – Хабаровск: Кн. дело; Владивосток: Кн. дело, 1928. – 932 с.
2. Антонова, Л. И. Коллективный договор на капиталистических предприятиях в первые годы НЭПа / Л. И. Антонова, С. Г. Быкова // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 89-100.

3. Весь Дальний Восток: справочник на 1925 г. Необходимый спутник для каждого делового человека. – Хабаровск: Дальневост. отд. коммерч. телеграфного агентства, 1925. – 196 с.
4. Галлямова, Л. И. Дальний Восток СССР в годы нэпа: тенденции и особенности современной историографии / Л. И. Галлямова // Россия и АТР. – 2012. – № 3. – С. 55-71.
5. Галлямова, Л. И. Становление советской системы хозяйственного управления и промышленная модернизация на Дальнем Востоке в 1922-1930-е гг./ Л. И. Галлямова, А. Т. Мандрик // История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – С. 134-163.
6. Геологическая служба Приморского края: 50 лет со дня основания. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 158 с.
7. Глуздовский, В. Е. Дальне-Восточный край / В. Е. Глуздовский. – 2-е изд., испр. и доп. – Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1927. – 268 с.
8. История Дальнего Востока. Т. 3. Кн. 2. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / под общ. ред. чл.-корр. РАН В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
9. Дербер, Г. Я. Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока / Г. Я. Дербер, М. Л. Шер. – М.; Ленинград: Гос. изд-во, 1927. – 300 с.
10. Джилаван, А. Д. Развитие коллективно-договорных отношений в России до первой половины XX века / А. Д. Джилаван // Бизнес в законе. – 2010. – № 3. – С. 54-57.
11. Ермакова, Э. В. Угольщики Приморья (1920-е – начало 30-х гг.) / Э. В. Ермакова // Угольная промышленность Приморья (история, состояние и перспективы развития). – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1994. – С. 81-92.
12. Золотой фонд угольной промышленности Приморья / А. М. Васянович и др. – Владивосток: Приморскуголь: Тип. Эмпайр, 2003. – 159 с.
13. Курбацких, М. С. Эволюция профсоюзного движения в России: теоретический аспект / М. С. Курбацких // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 19. – Вып. 26. – С. 95-98.
14. Лежнин, П. Д. Богатство Приамурья и Забайкалья / П. Д. Лежнин. – Чита, 1922. – 472 с.
15. Маклюков, А. В. Дальневосточная угольная промышленность в условиях Гражданской войны и интервенции 1918 – 1922 гг. (на примере Сучанских копей) / А. В. Маклюков // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2018. – Т. 19. – С. 66-77.
16. Маклюков, А. В. Сучанская узкоколейная железная дорога (1904 – 1935 г.) / А. В. Маклюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3. – С. 258-262.
17. Маклюков, А. В. Сучанские государственные копи в условиях Гражданской войны и интервенции (1918 – 1922 гг.) / А. В. Маклюков // Гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке России: причины, особенности, участники: сборник материалов Междунар. науч. конф. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. – С. 119-125.
18. Паленко, И. А. Райчихинск – город угольщиков / И. А. Паленко. – Благовещенск: Книжное изд-во, 1957. – 121 с.
19. Платонова, Н. М. Место и роль топливно-энергетического комплекса в индустрии Дальнего Востока РСФСР: исторический аспект проблемы (1965 – 1985 гг.) / Н. М. Платонова // Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2012. – Т. II. – С. 320-240.
20. Платонова, Н. М. Промышленно-гражданский комплекс Дальнего Востока РСФСР (1965 – 1985 гг.). Опыт исторического развития / Н. М. Платонова – М.: Этносоциум, 2013. – 414 с.
21. Постановление Приморского губернского военно-революционного комитета, № 2 (27 октября 1922) // Японская интервенция 1918 – 1922 гг. в документах. – М., 1934. – 236 с.
22. Самигулин, Р. М. Сучанский рудник (конец XIX в. – 1915 г.) / Р. М. Самигулин // Угольная промышленность Приморья (история, состояние перспективы развития). – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1994. – С. 132-136.
23. Смыкалин, А. С. Советские профсоюзы в 1920-е гг. / А. С. Смыкалин // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 1. – С. 37-40.
24. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917 – 1918 гг. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.
25. Табацкий, А. Д. Угольная промышленность Дальнего Востока в годы Гражданской войны (1918 – 1922 гг.) / А. Д. Табацкий, А. Ю. Быструшкин // Тихоокеанская Россия в истории российской и

восточноазиатских цивилизаций. Пятое Крушановские чтения, 2006. Т. 1. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – С. 329-334.

26. Ткаченко, О. Ю. Коллективно-договорное регулирование трудовых отношений в период НЭПа / О. Ю. Ткаченко // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 5. – С. 13-16.

27. Трухин, Л. Ф. Угольные богатства и угольная промышленность Дальневосточного края / Л. Ф. Трухин. – Хабаровск: Дальгиз, 1932. – 95 с.

28. Унпелев, Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока (1928 – 1932 гг.) / Г. А. Унпелев. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1972. – 296 с.

29. Устав каменноугольного государственного предприятия Сучанские копи (утверждён Дальревкомом на заседании 11 апреля 1924 г. (протокол № 18, п. 7) // Сучанский рудник: Документы и материалы. – Владивосток: Комсомолка ДВ, 2002. – 90 с.

30. Филионова, И. А. Реструктуризация угольной отрасли Приморского края в 1990-е гг. / И. А. Филионова, Д. В. Киба // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2017. – № IV-2 (32). – С. 21-23.

31. Целищев, М. И. Экономические очерки Дальнего Востока / М. И. Целищев. – Владивосток: Книжное дело, 1925. – 132 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хроника артёмовских шахт. Город Артём [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ArtemPortal.ru> (дата обращения: 12.02.20).

2. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10.04.1923 [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. – Режим доступа: <https://libussr.ru> (дата обращения: 27.01.2020).

3. История Сучанского рудника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizansk.ru> (дата обращения: 30.01.2020).

4. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 100, 105, 107.

5. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 82. Л. 101.

6. Декрет СНК РСФСР от 23.08.1922 «О коллективных договорах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ALPPP.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

7. Из истории коллективных договоров в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru> (дата обращения: 27.01.2020).

8. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hist.msu.ru> (дата обращения: 01.02.2020).

9. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 149 – 150, 150 об.

10. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 43. Л. 207, 207 об., 208.

11. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 94-96.

12. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 8. Л. 171.

13. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 99-100.

14. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 48. Л. 90-92.